

УДК 32

10.34670/AR.2023.55.22.011

Электоральная база как индикатор избирательного процесса на уровне парламентских выборов (на примере 1-8 созывов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации)

Тулинов Денис Олегович

Аспирант,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: tulinovpolit@gmail.com

Аннотация

Каковы детерминанты индивидуального уровня доверия к цифровому голосованию в недемократических странах? Современные цифровые и электронные преобразования избирательного процесса предлагают гражданам новые формы голосования, однако неясно, какие граждане готовы доверять этим инновациям. Существующие работы о доверии к цифровому голосованию в основном сосредоточены на западных демократиях, где хорошо функционирующие институты сдерживают потенциальные злоупотребления. Как следствие, существующие перспективы опираются на работы по принятию технологий и сосредоточены на анализе затрат и выгод на индивидуальном уровне и на элитарном обрамлении этих технологий. В недемократических странах, однако, существует мало сдержек и противовесов для избирательных манипуляций, которые позволяют властям формировать результаты вне закона. В таких условиях институциональное доверие к властям и убежденность в том, что цифровое голосование может быть использовано не по назначению, приобретают все большую значимость. В данной работе мы проводим анализ, направленный на проверку того, помогают ли существующие точки зрения объяснить доверие к цифровому голосованию в недемократических странах с избирательным правом, а также играют ли роль опасения по поводу злоупотреблений. Для проверки этих аргументов мы использовали онлайн-опрос более 16 250 респондентов в Российской Федерации, случай, который считается архетипичным в литературе по электоральным не демократиям. Наши результаты дают важное представление об общественном мнении относительно новых избирательных процедур в целом, и цифрового голосования, в частности, в недемократических странах. В свою очередь, эти выводы имеют важные последствия для нашего понимания и отношения к честности выборов в недемократических странах, потенциала народных ограничений, способности автократии изменять избирательные процедуры для воспроизводства власти.

Для цитирования в научных исследованиях

Тулинов Д.О. Электоральная база как индикатор избирательного процесса на уровне парламентских выборов (на примере 1-8 созывов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 1А. С. 88-100. 10.34670/AR.2023.55.22.011

Ключевые слова

Избирательное право; избирательный процесс; цифровое голосование; институциональное доверие; риск; электоральные процессы; общественное мнение; внедрение технологий; онлайн-голосование, коронавирусная инфекция.

Введение

Современное развитие общественных отношений, а также государственно-управленческого воздействия на них [Насонов, Коньшин, Петров, Редкоус, 2003] показывают, какую важность имеет четкое правовое регулирование избирательного процесса и избирательных технологий [Пузиков, Фэхлер, 2020]. Развитие данных технологий, а также текущие проблемы, связанные с пандемией коронавирусной инфекции (Ковид-19) [Редкоус, 2020], активизировали академические дискуссии о цифровом голосовании (iVoting). В последние годы мы можем наблюдать более широкое внедрение цифрового голосования в различных недемократических режимах. Однако нет единого мнения о степени доверия к Цифровому голосованию, поддержке и принятии такой технологии, а также о конечной готовности использовать этот метод. Намерение использовать iVoting связано с его воспринимаемой полезностью и простотой использования, безопасностью и защитой конфиденциальности, а также точностью. Отношение к правительству и позитивное восприятие технологий в более широком смысле также связаны с большей готовностью использовать системы цифрового голосования.

Однако большинство исследований, посвященных цифровому голосованию, сосредоточено на западных демократиях. Такие страны характеризуются высоким качеством институтов, которые сдерживают правительства и обеспечивают политическую подотчетность [Давлетшина, Кимлика, Кларк, Рэй, 1995].

В таких условиях новые технологии голосования, скорее всего, будут рассматриваться через призму распространения технологий и меритократической оптимизации. В отличие от этого, недемократические условия характеризуются рядом проблем с доверием к избирательным процессам, начиная от клиентелистского использования государственных ресурсов и заканчивая откровенным мошенничеством.

Учитывая широко распространенные свидетельства манипуляций на выборах в таких условиях, неясно, будет ли восприятие населением цифрового голосования определяться динамикой, схожей с динамикой в демократических условиях, или же вместо этого оно сосредоточится на (относительном) потенциале злоупотреблений в таких системах.

В данной работе предлагается предварительный и исследовательский анализ доверия к цифровому голосованию в демократических странах.

Используя оригинальный опрос более 16 500 респондентов в 60 регионах России, мы исследуем, насколько существующие теории доверия к цифровому голосованию в демократических странах соответствуют действительности. В данной статье мы используем исследовательский подход, концентрируя внимание на простых тестах ключевых теорий в существующих работах, связанных с доверием к правительству, внедряющему системы электронного голосования, знакомством с технологией и удобством цифрового голосования [Хантингтон, 2003].

Россия служит идеальным местом для проверки применимости существующих теорий по нескольким причинам. Во-первых, цифровое голосование становится все более актуальным в

российском контексте. Уже проведено три масштабных эксперимента по "дистанционному электронному голосованию", сначала в Москве (выборы в Московскую городскую думу в 2019 году), затем во время голосования по поправкам к Конституции Российской Федерации (2020 год), и снова во время выборов в Государственную думу (в нескольких регионах, 2021 год).

Центральная избирательная комиссия России уже заявила об "успехе" эксперимента и намерении распространить технологию iVoting на всю страну на следующих федеральных выборах. Во-вторых, как и во многих автократиях, российские выборы характеризуются широким спектром избирательных манипуляций, о которых известно общественности и которые формируют доверие к выборам.

Такие условия являются тяжелым испытанием для формирующегося консенсуса, согласно которому поддержка и использование цифровых платформ для голосования обусловлены в основном функционалистскими расчетами удобства или знакомства с технологией. Скорее, они позволяют предположить, что, как и во многих других аспектах голосования, институциональные ожидания относительно того, как будут использоваться (в том числе, и злоупотребляться) избирательные технологии, обуславливают отношение к ним. Наконец, Россия широко рассматривается как архетипическая электоральная автократия и широко используется в качестве базового примера в исследованиях электорального авторитарного общественного мнения и политического поведения.

Таким образом, наше исследование прольет свет на динамику данных процессов в более широком диапазоне стран, чем можно было бы предположить на основании нашего ограниченного круга вопросов. Эта работа также вносит определенный вклад в продолжающиеся эмпирические и теоретические дебаты о том, как люди относятся к цифровому голосованию и оценивают его, как они могут укрепить свое доверие к этой форме голосования и что влияет на такое доверие [Редкоус, 2020].

В теоретическом плане наша работа расширяет существующие теории о принятии технологий, распространении инноваций и восприятии цифрового голосования. Однако мы также обращаемся к более традиционным теориям политологии, таким как формирование доверия, особенности избирательного процесса в авторитарных странах, а также изменения в политических установках населения.

Эмпирически наша работа представляет новые и уникальные данные об общественном мнении по ряду вопросов: цифровое голосование, доверие и риск, а также влияние пандемии (Ковид-19) на избирательный процесс.

Основное содержание

Существует множество форм электронного голосования на выборах (например, голосование в киосках, с помощью перфокарт и оптических сканеров), при этом цифровое голосование является лишь одним из видов. Исследования демократической политики в целом приветствуют эти технологии как средства повышения явки избирателей и поощрения граждан к голосованию. Более того, многие исследования показывают, что использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и Интернета усиливает демократизацию и позволяет осуществлять коллективные действия.

Тем не менее, в отношении этого существует большой скептицизм, причем многие выделяют именно цифровое голосование как сомнительную ценность в обеспечении нормативно желаемых результатов, таких как повышение явки избирателей. С точки зрения

общественного мнения исследования показывают, что среди граждан, СМИ и политиков в демократических контекстах широко распространено положительное отношение к электронным (особенно интернет) процедурам выборов.

Тем не менее, внедрение новых технологий в регулярные избирательные процессы может быть сопряжено с риском и издержками, которые несет общество. Как правило, демократические страны внедряют iVoting в условиях относительно высокого уровня политического доверия, стабильных политических институтов и развитых технических и кадровых возможностей. Эти факторы означают, что они могут позволить себе рисковать. Рассматривая электронное голосование как часть электронной демократии, исследователи отмечают, что такие технологии направлены, в том числе, на обеспечение и поддержание легитимности.

С этой точки зрения вполне логично ожидать, что внедрение цифрового голосования будет сопровождаться активной информационной политикой для продвижения позитивной повестки дня. Более того, вопросы безопасности при внедрении данной формы выборов создают новые риски для властей, требующие поддержания общественного доверия к легитимности выборов.

Другими словами, «в демократии, несовершенной, как она работает в реальности, легитимность избранных представителей зависит от надежности системы голосования» [9].

Действительно, многие устоявшиеся демократии (Германия, Франция, Норвегия) отказались от запланированных систем голосования через Интернет из-за технических проблем и отсутствия консенсуса. Если рассматривать iVoting в этом свете, то он создает постоянный кризис легитимности, который либеральные демократии не могут себе позволить.

Особенно ярким примером является Норвегия, где попытки расширить масштабы цифрового голосования после испытаний на местных выборах 2011 года и парламентских выборах 2013 года (в некоторых муниципалитетах) были приостановлены, несмотря на высокий уровень общественного доверия к этой технологии.

Недемократические страны имеют неоднозначное отношение к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), особенно в отношении выборов. В ряде работ рассказывается о том, как "умные" авторитарные правительства используют ИКТ для обеспечения стабильности режима и воспроизводства власти, даже развивая инфраструктуру ИКТ, которая может конкурировать с инфраструктурой развитых демократий и соответствуя их темпам развертывания интернет-инфраструктуры.

В целом, эта работа показывает, что авторитарные режимы адаптировали и начали применять новые цифровые практики для усиления своего контроля над населением и повышения легитимности. Хотя в целом по цифровому голосованию проделано меньше работы, есть все основания ожидать, что эти инструменты могут быть использованы для дальнейших традиционных методов манипулирования выборами, применяемых автократическими правительствами.

Обычной тактикой в таких режимах является мобилизация избирателей с помощью клиентелистских призывов, которые связывают желаемые избирателями результаты - доступ к государственным льготам (или возможность их сохранить), сохранение работы, физическую безопасность и т.д. - с их электоральным поведением. Другие распространенные тактики включают прямое манипулирование итогами голосования, например, путем вброса бюллетеней.

Поскольку цифровое голосование облегчает применение этих методов, оно может быть полезным для автократов, ищущих способы использования избирательной системы для укрепления своей власти. Такие платформы также могут быть полезны как средство

демонстрации своей современности и легитимности, как международной системе, так и внутренней аудитории.

Существуют недемократические режимы, которые не менее успешно применяют интернет и цифровые технологии в избирательных процессах несмотря на то, что им не хватает кадровых компетенций и они могут не пользоваться политическим доверием населения. Например, Объединенные Арабские Эмираты используют электронное голосование на выборах в Федеральный национальный совет и для привлечения населения к участию в выборах.

Однако, как и в демократических странах, способность властей добиваться своих целей с помощью цифрового голосования в значительной степени зависит от того, насколько население воспримет такие технологии. Хотя многие работы показывают, что власти часто принуждают избирателей к участию в выборах с помощью различных позитивных и негативных стимулов, такие стратегии являются дорогостоящими и нелегко применяются повсеместно среди населения. Как следствие, электоральные автократии также полагаются на добровольную явку избирателей. Таким образом, центральный вопрос для исследований принятия и распространения цифровых платформ для голосования в недемократических странах вращается вокруг условий, при которых население считает, что такие системы достаточно надежны для использования.

Готовность избирателей доверять электронным системам голосования и их использовать обусловлена теми же соображениями, которые были центральными в литературе по демократическим странам. Основой таких исследований является утилитарный подход: избиратели доверяют системам электронного голосования из-за ожиданий, что такие системы полезны и удобны. Исследования, основанные на теории принятия технологий и диффузии инноваций (DOI), также предполагают, что люди могут захотеть взвесить риски и выгоды, прежде чем принять решение об использовании технологии. В этой системе повышенное восприятие риска снижает воспринимаемые преимущества технологии, в то время как более высокая степень принятия риска должна повышать их.

Другими словами, люди, которые в целом лучше воспринимают риск, должны охотнее пользоваться новыми технологиями. В то же время положительный опыт использования технологии и тех, кто ее внедряет, также может помочь изменить восприятие ее рисков и преимуществ. Если у людей был положительный опыт использования технологии в прошлом, они с большей вероятностью будут оценивать ее преимущества выше, чем любые потенциальные затраты или риски. Взятые вместе, эти теории принятия технологий и перспективы DOI позволяют выдвинуть следующие аргументы:

Аргумент 1. Более высокая степень принятия рисков должна быть связана с большим доверием к цифровому голосованию.

Аргумент 2. Большее убеждение в относительных преимуществах цифрового голосования по сравнению с традиционным, оффлайн голосованием должно быть связано с большим доверием к цифровому голосованию.

Аргумент 3. Предыдущий опыт и более высокие положительные оценки услуг электронного правительства должны быть связаны с большим доверием к цифровому голосованию. Работа по изучению доверия к процедурам голосования также предполагает, что доверие может быть обусловлено восприятием затрат, связанных с одним способом голосования, а не с другими. В некоторых условиях традиционное голосование может быть процедурно обременительным или сопряжено с повышенным риском для личной безопасности.

Например, работа по реформированию процедур голосования во время пандемии COVID-

19 свидетельствует о том, что страх перед инфекцией способствовал росту спроса на децентрализованные, менее личные формы голосования, например, с помощью электронных платформ. Хотя это не обязательно связано с электронным голосованием, недавние материалы свидетельствуют о том, что ознакомление с научными прогнозами о пандемии увеличило поддержку дистанционного голосования по почте.

Несмотря на неоднозначность вопроса о доверии, эта работа предполагает, что конкретные страхи, связанные с очным голосованием, потенциально формируют отношение к процедуре голосования.

Аргумент 4. Страх заражения COVID-19 должен повысить доверие к цифровому голосованию. Помимо расчета затрат и выгод и рисков, еще одной центральной темой существующих работ в демократических условиях является институциональное доверие. Учеными было продемонстрировано, что доверие играет центральную роль как на технологическом уровне, так и на уровне социальной идентичности; показано, что намерения граждан голосовать в Интернете связаны с тем, что они разделяют те же ценности, что и лица, связанные с обеспечением электронного правительства (и цифровое голосование), и институты, которые они представляют. Аналогичным образом, родство играет роль и в работе по принятию других видов избирательных реформ, где отношение избирателей к новым процедурам и технологиям голосования окрашивается партийными подсказками о потенциальном влиянии таких систем на результаты выборов. Хотя обычно такие теории формулируются как вопрос о фреймировании элиты и распространении информации, они также неявно опираются на представление о том, что отношение формируется под влиянием близости к тем, кто проводит избирательные реформы (и обычно выигрывает от них). Однако данные неоднозначны, и другие исследования показывают, что доверие к правительству не является значимым предиктором поддержки цифрового голосования.

Аргумент 5. Более высокий уровень доверия к правительству будет связан с большим доверием к цифровому голосованию.

Аргумент 6. Более высокая поддержка политической партии, предлагающей и внедряющей цифровое голосование, должна быть связана с большим доверием к цифровому голосованию.

Аргумент 7. Большее доверие к источникам СМИ, в которых доминирует политическая партия, предлагающая и внедряющая цифровое голосование, должно быть связано с большим доверием к цифровому голосованию. В авторитарных контекстах близость и доверие приобретают более сложные измерения.

С одной стороны, есть доказательства того, что поддержка внедрения технологий связана с обобщенным доверием к правительству, поскольку граждане должны доверять чиновникам, отвечающим за внедрение новых технологий (и их сотрудникам), чтобы обеспечить их безопасное функционирование. Это согласуется с концепцией, рассмотренной выше. С другой стороны, доверие к электронному голосованию может быть связано с ожиданиями относительно вероятности злоупотребления системами. В работах по политической экономии институтов давно утверждается, что отсутствие ограничений и подотчетности в таких условиях ставит мало ограничений на способность автократов подрывать институты для воспроизводства власти и получения ренты.

Учитывая этот контекст, избиратели могут беспокоиться, что новые технологии голосования внедряются для того, чтобы облегчить такие манипуляции. Действительно, большой объем недавней работы показывает, что даже сторонники режима в целом не одобряют манипуляции с выборами и предпочитают чистые выборы. Таким образом, доверие в

автократических условиях может быть связано не столько с поддержкой или близостью, сколько с убеждениями о том, могут ли предлагаемые системы способствовать злоупотреблениям.

Аргумент 8. Большее убеждение в том, что цифровое голосование менее подвержено избирательным манипуляциям, должно быть связано с большим доверием к цифровому голосованию.

Электоральный цикл как научная категория в настоящее время привлекает внимание многих исследователей выборов. В российской политологии это понятие оказалось особенно востребованным. В силу сложности электорального развития современной России, разнообразия содержательного наполнения избирательных кампаний, проводимых на различных властных уровнях, деление их по хронологическому принципу представляется наиболее результативным на первоначальном этапе обобщения.

19 сентября 2021 г. завершился многомесячный избирательный марафон, и в ходе трехдневного голосования российские граждане определились с составом депутатов Государственной Думы VIII созыва Федерального Собрания РФ. Кроме того, в Единый день голосования была поставлена точка в 4,5 тыс. избирательных компаний разного уровня во всех 85 субъектах Российской Федерации, в процессе которых были избраны главы 11 субъектов РФ и сформирован депутатский корпус 39 региональных парламентов.

Своим активным избирательным правом в ходе выборных компаний 2021 г. воспользовались только 51,72 % имеющих право голоса россиян, в то время как в выборах Президента РФ в 2018 г. приняло участие 67,54 %, что, на наш взгляд, свидетельствует как о доминирующей роли института президентства в единой системе государственной власти современной России, так и о явно недостаточности усилий со стороны участников электорального цикла 2021 г. по мобилизации своих сторонников и мотивации граждан к участию в голосовании. Однако, необходимо отметить, что 19 сентября 2021 г. российские избиратели осуществляли свой выбор в условиях многомесячных антипандемийных ограничений и общего падения экономики, официальной инфляции на уровне 5,8 %, ощущая снижение своих реальных доходов на 3,7 % и рост потребительских цен на 6,68 %, что не могло не сказаться на их избирательной активности и вызвало закономерный рост протестных настроений в обществе.

Наш анализ показывает, что доверие к системе iVoting в России имеет свои нюансы. С одной стороны, мы находим доказательства, согласующиеся со стандартными теориями из литературы по принятию технологий и распространению инноваций (Н1 - Н3). Это интересный результат, поскольку он предполагает, что существующие теории доверия к iVoting и отношения к технологиям, разработанные в западных демократических странах, могут быть обобщены на авторитарные контексты. С другой стороны, наши показатели различаются по степени, в которой они отражают отношения, лежащие в основе теорий принятия технологий и ДООИ. Наши показатели принятия риска и восприятия сравнительного преимущества iVoting, в частности, потенциально включают в себя некоторые из основных понятий доверия и убеждения о злоупотреблениях (или готовности принять их потенциальную возможность), которые являются центральными для наших аргументов доверия. То, что мы обнаружили, что доверие к правительству и мера, разработанная для изучения относительного восприятия респондентами надежности iVoting по сравнению с традиционным голосованием в отношении манипуляций на выборах, также являются значимыми предикторами доверия, заставляет проявить некоторую осторожность в предположении, что существующие теории обобщаются прямолинейно. По другим причинам наша мера оценки государственных онлайн-систем может также не отражать

относительные оценки рисков и преимуществ технологии. Эта мера может также отражать более широкий положительный опыт и отсутствие опасений по поводу безопасности в Интернете, а не конкретный опыт работы с этими системами, что предполагает совершенно иной механизм.

Таблица 1– Распределение депутатских мандатов

Количество мандатов	Наименование
225	партия
225	Кандидаты от партий

Всего в Государственной Думе Федерального Собрания РФ 450 депутатских мандатов (мест), из которых:

- 225 мандатов распределяются между партиями, одержавшими победу по партийным спискам (федеральный избирательный округ) и прошедшими проходной барьер в пять процентов. По официальным данным ЦИК на выборах 2021 года по партийным спискам победили пять партий: Единая Россия, КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия и Новые люди. Поэтому 225 мандатов будут распределены между этими пятью партиями пропорционально полученным голосам избирателей;
- и еще 225 мест распределяются между кандидатами от партий и самовыдвиженцами, победившими в одномандатных избирательных округах. Принцип распределения этих мандатов такой: “один победитель - один депутатский мандат”.

Таблица 2 – Распределение по результатам голосования

Наименование партии	Количество мест
Единая Россия	198 депутатских мандатов
	324 депутатских мест
КПРФ	57 депутатских мест
Справедливая Россия	27
ЛДПР	21
Новые люди	13
“Родина”, “Партия роста” и “Гражданская платформа”	По 1 месту

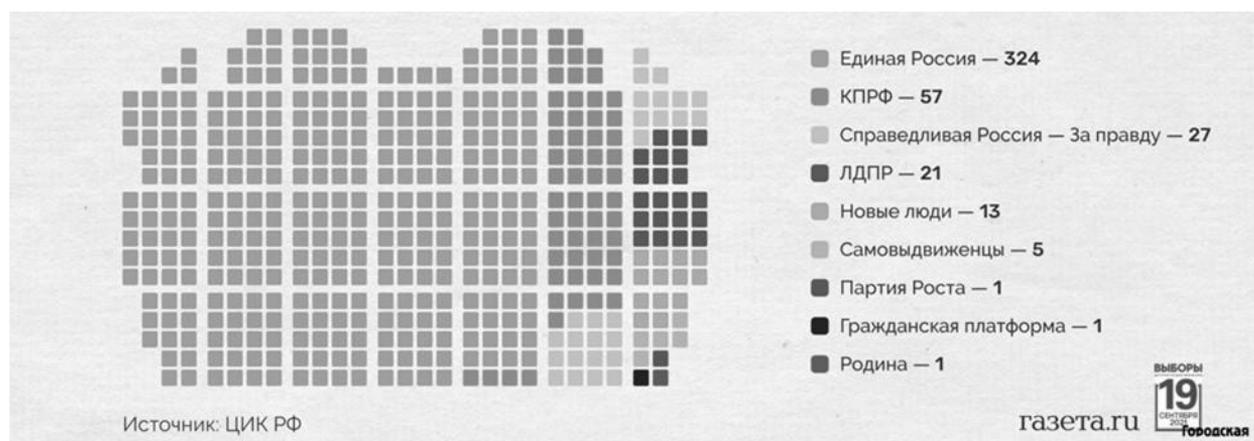

Рисунок 1 – Распределение мест в Госдуме VIII созыва

Согласно официальным данным ЦИК, партия “Единая Россия” по результатам голосования получила 198 депутатских мандатов по одномандатным округам, а также не менее 126 мандатов по партийным спискам. Поэтому всего у партии “Единая Россия” 324 депутатских места, что обеспечивает партии власти конституционное большинство при принятии законов.

КПРФ по итогам выборов в Государственную Думу восьмого созыва получила 57 депутатских мест, чем существенно улучшает политическую позицию фракции. Напомним, что в Государственной Думе седьмого созыва у КПРФ было 42 мандата. Рост мест КПРФ связан с нарастанием недовольства части населения проводимой внутренней и внешней политикой.

Партия “Справедливая Россия” получила 27 мандатов и заняла уверенное третье место в Государственной Думе восьмого созыва по численности фракции. В Государственной Думе седьмого созыва у справедливороссов было 23 мандата.

ЛДПР получила 21 депутатский мандат. Следует отметить, что прошедшие выборы стали политическим провалом партии, поскольку число мест в Государственной Думе восьмого созыва у либерал-демократов сократилось на 46,2% или на 18 (в абсолютных цифрах).

Партия “Новые люди” получила в Государственной Думе восьмого созыва 13 мандатов и становится пятой политической силой.

Кроме того, по одному депутатскому мандату получают партии “Родина”, “Партия роста” и “Гражданская платформа”, а пять мандатов приходится на самовыдвиженцев.

Изменения в процедуре выборов позитивно отразились на развитии электоральной конкуренции и стали предметом специальных исследований. В этот период появляются работы, в которых рассматриваются вопросы формирования сбалансированной системы электоральной конкуренции [Бирюков, Кисляков, Востриков, 2020]. Необходимо отметить, что электоральная конкуренция происходит не только в рамках закона, но и в рамках совершения противоправных деяний [Киреев, 2021]. Рассматривая этот вопрос, нужно сказать о публикациях, посвященных теме электоральной коррупции [Нисневич, 2014; Редкоус, 2010; Редкоус, 2008], которая, безусловно, как явление появилось вместе с институтом выборов. Тем не менее, богатый фактический материал дал возможность российским ученым исследовать данный аспект.

В итоге складывается ситуация, когда на основе общеизвестных процедур социологического опроса уже нельзя с полной уверенностью прогнозировать изменение ситуации на электоральном поле. Планы и модели поведения электората нередко становятся неожиданностью для наблюдателей и самих кандидатов на выборах. Достаточно высокие показатели абсентеизма в ходе нескольких последних электоральных кампаний также не могут не беспокоить, равно как и феномен принятия избирателями «окончательного решения» исключительно на избирательном участке. Именно поэтому повышение уровня политической культуры и сознательной ответственности избирателей за их участие в выборах, стимулирование осознанно мотивированного голосования, повышение качества политического консалтинга и самих избирательных технологий являются сегодня необходимыми предпосылками не только для обеспечения реальной электоральной конкуренции, но и для необходимой модернизации самого института выборов как такового.

Однако в той степени, в какой партийную систему России можно считать институционализированной, этот вывод согласуется с существующими работами о роли сообщений элиты в укреплении отношения к избирательным процедурам. Таким образом, несмотря на авторитарные практики и институциональные особенности партийного представительства в России, партийная принадлежность по-прежнему влияет на доверие к голосованию.

Заключение

В данной работе мы попытались изучить детерминанты доверия на индивидуальном уровне к цифровому голосованию в недемократических странах. Используя уникальный опрос российских граждан, мы провели исследовательский анализ, в котором опирались на существующие объяснения, известные в литературе по внедрению технологий и доверию к избирательным процедурам. Наши результаты показывают, что во многом детерминанты доверия россиян к системам цифрового голосования повторяют западные. С одной стороны, люди с более высокой степенью принятия риска, лучшими оценками цифрового голосования по сравнению с традиционным голосованием и предыдущим положительным опытом использования платформ для электронного голосования больше доверяют цифровому голосованию.

Наши результаты также показывают, что страх перед конкретным и очевидным риском - заражением COVID - также сильно коррелирует с отношением к цифровому голосованию. Эти результаты согласуются с теориями принятия технологий, в которых принятие является функцией принятия риска и тщательной оценки относительных затрат и выгод технологии. С другой стороны, мы также обнаружили, что институциональное доверие также играет сильную роль в доверии к цифровому голосованию, как и на Западе. Мы обнаружили, что избиратели, поддерживающие партию власти, "Единую Россию", и доверяющие государственным СМИ, с большей вероятностью доверяют голосованию. Мы интерпретируем эти результаты как свидетельство важности элитных сигналов и близости в России, поскольку и "Единая Россия", и государственные СМИ были активными сторонниками цифрового голосования и представляли его как удобное, надежное, честное и безопасное. Однако, в отличие от классических демократических стран, автократии изобилуют возможностью манипуляций на выборах.

Хотя опасения по поводу возможности манипуляций согласуются с теориями доверия, широко распространенными в литературе о Западе, мы ожидаем, что такие опасения будут более актуальны в автократиях. В соответствии с этим мнением, мы также обнаружили, что избиратели, считающие, что цифровое голосование менее подвержено манипуляциям на выборах, также с большей вероятностью доверяют цифровому голосованию. Хотя мы не можем быть уверены, мы считаем, что эти результаты дополняют наши выводы о важности элитарного фрейминга со стороны "Единой России" и государственных СМИ, поскольку косвенные свидетельства указывают на то, что они сильно подчеркивали честность цифрового голосования.

Библиография

1. Бирюков С. В., Кисляков М. М., Востриков К. В. Электоральная конкуренция в современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020 Т. 1, № 3 С. 52–56.
2. Административное право Российской Федерации / В. Я. Насонов, В. А. Коньшин, К. С. Петров, В. М. Редкоус. – Москва : Издательский центр "Академия", 2003. – 208 с. – ISBN 5-7695-1144-3. – EDN HZTEUI.
3. Правовое регулирование публичных финансовых отношений в современной России / М.Н. Кобзарь-Фролова, С.В. Запольский, Е.Л. Васянина, В.М. Редкоус [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2022. – 168 с. – ISBN 978-5-8339-0202-8. – EDN DISMRR.
4. Глобализация - безопасность государства - национальные интересы: доктрина права и правовая жизнь : монография / Р. В. Пузиков, В. Кштонь, А. А. Васильев [и др.] ; под общ. ред. Р.В. Пузикова, В. Фэклера. – Тамбов : ООО «Принт-Сервис», 2020. – 476 с. – ISBN 978-5-6043471-6-4.
5. Доктрина права и безопасность в современном мире / И. Беата, А. А. Васильев, Х. Вырэмбек [и др.]. – Тамбов :

- Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис», 2020. – 495 с. – EDN KNFVLK.
6. Административный процесс / А. М. Воронов, А. Г. Николаев, Ю. Н. Носатов [и др.]. – Москва : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 136 с. – ISBN 978-5-907530-60-7.
 7. Редкоус, В. М. К вопросу об определении административно-правового режима обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / В. М. Редкоус // Вестник Пермского института ФСИН России . – 2020. – № 2(37). – С. 90-94.
 8. Редкоус, В. М. Трансформация форм и методов государственного регулирования в области экономики в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / В. М. Редкоус // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 166-170. – DOI 10.24411/2312-0444-2020-10099. – EDN GUBRXS.
 9. Демократия: государство и общество / Н. В. Давлетшина, Б. Б. Кимлика, Р. Дж. Кларк, Д. У. Рэй. Уч. пособие. М.: Ин-т педагогических систем, 1995.
 10. Парето, В. Трансформация демократии / Пер. с итал. Юсима М. — М.: Территория будущего, 2011.
 11. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 368 с.
 12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2000.
 13. Бирюков С. В., Кисляков М. М., Востриков К. В. Электоральная конкуренция в современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 52–56.
 14. Киреев, М. П. Борьба с преступностью: от обычая к закону / М. П. Киреев, В. М. Редкоус, В. В. Урбан // Вопросы истории. – 2021. – № 5-2. – С. 227-242. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202105Statyi55. – EDN JUFIBU.
 15. Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция и ее зарождение в постсоветской России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 3. С. 5-22.
 16. Редкоус, В. М. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции на Украине / В. М. Редкоус // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 7(31). – С. 39-45. – EDN QAOYQJ.
 17. Редкоус, В. М. Законодательное обеспечение национальной безопасности в государствах-участниках СНГ и его учет в российских условиях : монография / В. М. Редкоус. – Пятигорск : РИА КМБ, 2008. – 339 с. – ISBN 978-5-89314-140-5. – EDN QQVQMD.

Electoral base as an indicator of the electoral process at the level of parliamentary elections (on the example of 1-8 convocations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation)

Denis O. Tulinov

Post-graduate student

Lomonosov Moscow State University,

119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;

e-mail: tulinovpolit@gmail.com

Abstract

What are the determinants of the individual level of trust in digital voting in non-democratic countries? Modern digital and electronic transformations of the electoral process offer citizens new forms of voting, but it is unclear which citizens are willing to trust these innovations. Existing works on trust in digital voting mainly focus on Western democracies, where well-functioning institutions deter potential abuses. As a consequence, the existing perspectives are based on the adoption of technologies and focus on cost-benefit analysis at the individual level and on the elite framing of these technologies. In undemocratic countries, however, there are few checks and balances for electoral manipulation that allow the authorities to shape the results outside the law. In such conditions, institutional trust in the authorities and the conviction that digital voting can be used for other purposes are becoming increasingly important. In this paper, we conduct an analysis aimed at

checking whether existing points of view help explain the credibility of digital voting in undemocratic countries with voting rights, as well as whether concerns about abuse play a role. To test these arguments, we used an online survey of more than 16,250 respondents in the Russian Federation, a case that is considered archetypal in the literature on electoral non-democracies. Our results provide an important insight into public opinion regarding new electoral procedures in general, and digital voting in particular, in undemocratic countries. In turn, these conclusions have important implications for our understanding and attitude to the integrity of elections in undemocratic countries, the potential of popular restrictions, the ability of autocracy to change electoral procedures for the reproduction of power.

For citation

Tulinov D.O. (2023) Elektoral'naya baza kak indikator izbiratel'nogo protsessa na urovne parlamentskikh vyborov (na primere 1-8 sozyvov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii) [Electoral base as an indicator of the electoral process at the level of parliamentary elections (on the example of 1-8 convocations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 12 (1A), pp. 88-100. 10.34670/AR.2023.55.22.011

Keywords

Electoral law; electoral process; digital voting; institutional trust; risk; electoral processes; public opinion; technology introduction; online voting, coronavirus infection.

References

1. Administrative law of the Russian Federation / V. Ya. Nasonov, V. A. Konshin, K. S. Petrov, V. M. Redkous. – Moscow : Publishing Center "Academy", 2003. – 208 p. – ISBN 5-7695-1144-3. – EDN HZTEUI.
2. Administrative process / A.M. Voronov, A. G. Nikolaev, Yu. N. Nosatov [et al.]. – Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – 136 p. – ISBN 978-5-907530-60-7.
3. Biryukov S. V., Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. Electoral competition in modern Russia: status, problems, prospects // *Bulletin of Social and Humanitarian Sciences*. 2020 Vol. 1, No. 3 pp. 52-56.
4. Biryukov S. V., Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. Electoral competition in modern Russia: status, problems, prospects // *Bulletin of Social and Humanitarian Sciences*. 2020. Vol. 1, No. 3. pp. 52-56.
5. Democracy: the state and society / N. V. Davletshina, B. B. Kimlika, R. J. Clark, D. W. Ray. Textbook. M.: Institute of Pedagogical Systems, 1995.
6. Globalization - State security - national interests: the doctrine of law and legal life : a monograph / R. V. Puzikov, V. Kshton, A. A. Vasiliev [et al.] ; under the general editorship of R.V. Puzikov, V. Fahler. – Tambov : Print-Service LLC, 2020. - 476 p. – ISBN 978-5-6043471-6-4.
7. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action / Trans. from it. edited by D. V. Sklyadnev. — St. Petersburg: Nauka, 2000.
8. Huntington S. The Third wave. Democratization at the end of the XX century / Translated from English — M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003. — 368 p.
9. Kireev, M. P. Fighting crime: from custom to law / M. P. Kireev, V. M. Redkous, V. V. Urban // *Questions of history*. – 2021. – No. 5-2. – pp. 227-242. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202105Statyi55. – EDN JUFIBU.
10. Legal regulation of public financial relations in modern Russia / M.N. Kobzar-Frolova, S.V. Zapolsky, E.L. Vasyanina, V.M. Redkous [et al.]. – Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2022. – 168 p. – ISBN 978-5-8339-0202-8. – EDN DISMRR.
11. Nisnevich Yu.A. Electoral corruption and its origin in post-Soviet Russia // *Bulletin of the RUDN. Series: Political Science*. 2014. No. 3. pp. 5-22.
12. Pareto, V. Transformation of Democracy / Trans. from Italian. Yusima M. — M.: Territory of the Future, 2011.
13. Redkous, V. M. Administrative and legal regulation of anti-corruption in Ukraine / V. M. Redkous // *Administrative and municipal law*. – 2010. – № 7(31). – Pp. 39-45. – EDN QAOYQJ.
14. Redkous, V. M. Legislative support of national security in the CIS member states and its accounting in Russian

-
- conditions : monograph / V. M. Redkous. – Pyatigorsk : RIA CMS, 2008. – 339 p. – ISBN 978-5-89314-140-5. – EDN QQVQMD.
15. Redkous, V. M. On the issue of determining the administrative and legal regime for ensuring the sanitary and epidemiological well-being of the population in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) / V. M. Redkous // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia . – 2020. – № 2(37). – Pp. 90-94.
 16. Redkous, V. M. Transformation of forms and methods of state regulation in the field of economics in the context of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) / V. M. Redkous // Public service and personnel. – 2020. – No. 2. – PP. 166-170. – DOI 10.24411/2312-0444-2020-10099. – EDN GUBRXS.
 17. The doctrine of law and security in the modern world / I. Beata, A. A. Vasiliev, H. Vyrambek [et al.]. – Tambov : Print-Service Limited Liability Company, 2020. – 495 p. – EDN KNFVLK.